

СТАТЬИ

Виктор Вахштайн*

Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории

...Она обнаружила, что компанию ей могут составить самые простейшие вещи: газета, языка которой она не понимала; застойный канал с нефтяными пятнами в обилии радуг; уличные углы с запахами кофе, дезинфицирующих средств и мусорных бачков... Джин подумала, что в большинстве своем вещи не составляют замену другим вещам, они существуют сами по себе.

Дж. Барнс, «Глядя на солнце»

Всякое обращение к проблематике пространства в социологии ставит исследователя перед необходимостью выбора одной из двух перспектив теоретизирования: либо перевод «пространственности» на язык «социального» и обозначение ее места в ряду традиционных социологических проблем, либо переосмысление самого «социального» с учетом его связи с пространственными феноменами.

Последовательное развитие первой логики приводит к тому, что *физическое* пространство разоблачается как «не подлинное», «вторичное», «сконструированное», иными словами – лишенное приписываемой ему объективности. За ним обнаруживается «настоящее» *социальное* пространство. Открытие социальной подоплеки пространственных феноменов позволяет социологу представить объективное в качестве «объективированного», переводя проблематику пространства в собственно социологическую плоскость¹.

Вторая логика рассуждений оказывается более проблематичной для социальной теории. Начинаясь с тривиального заявления о недостаточной разработанности темы пространства в социологии², она в конечном итоге приводит к необходимости переосмысления самой идеи «социального». Если первая альтернатива предполагает постановку проблемы пространства в традиционном социологическом контексте, то вторая,

* Вахштайн Виктор Семенович – научный сотрудник Центра фундаментальной социологии.

© Вахштайн В., 2005.

© Центр фундаментальной социологии, 2005.

¹ Яркий пример такой логики рассуждений мы обнаруживаем у Зигмунта Баумана: «Часто говорят, а еще чаще принимают как самоочевидное, что идея “социального пространства” родилась (в головах социологов, где же еще?) из метафорического переноса понятий, сформированных в опыте физического, “объективного” пространства. На самом деле, все наоборот. Дистанция, которую мы склонны ныне называть “объективной” и измерять, сравнивая ее с длиной экватора... измерялась человеческими телами и человеческими отношениями задолго до того, как металлический стержень, называемый метром, эта инкарнация безличности и развоплощенности, был помещен в Севре для почитания и повиновения» [24, р. 27]. Другой пример – интерпретация Пьером Бурдьё физического пространства как «спонтанной метафоры социального пространства» [3, с. 33].

² Подобные заявления можно обнаружить в работах теоретиков, чьи концепции весьма далеки друг от друга. Например, о несправедливом отношении к пространству, пишут авторы «Социологии абсурда» Лаймен и Скотт [50, р. 89-109], британский реалист Эндрю Сэйер [53] и Дж. Урри [60], работы которого будут упомянуты отдельно.

напротив, требуя более серьезного отношения к категориям «пространственного» и «протяженного», покусается на категорический императив социологии: *объяснять социальное социальным*.

Противопоставление двух этих перспектив не случайно. «Социальное», как центральная объяснительная категория социологии, обязано своим рождением попыткам преодоления декартова дуализма между психическим (*res cogitans*) и материальным (*res extensa*). Очевидно, если это различие исчерпывающе, социологии места не остается: либо ее предмет относится к физическому миру и находится среди «протяженных вещей», либо он локализован в мире *res cogitans* и мало чем отличается от предмета психологии³. Право на автономию у социологии появляется лишь тогда, когда «социальное» обнаруживает свою суверенность, независимость от материального и психического.

Так, в неокантианском проекте картезианскому дуализму противопоставляется идея *мира смыслов*, как самостоятельного царства, образующегося при сопоставлении мира ценностей и мира бытия (Г. Риккерт). Именно в нем локализуется предмет социологии [21, с. 81]. Смысл, по выражению Г. Зиммеля, есть нечто «независимо противостоящее этому миру» [21, с. 82]. Отсюда суверенизация предмета социальных наук. И психическое, и материальное остаются в мире бытия, тогда как социальное принадлежит царству смыслов, которое данному миру независимо противопоставлено.

Таким образом, социология отказывается от изучения «вещей *per se*», ограничив предмет своего исследования их социальными смыслами. Социальное, объясненное социальным же, приобрело независимость от физического и психического. Вернуть в социологическое рассуждение «протяженность», атрибутируемую вещам, значит разомкнуть каузальные ряды, отказаться от признания суверенитета социального, а вместе с ним – от самостоятельности социологии.

Как бы радикально ни выглядело данное заявление, оно находит свое подтверждение в анализе современных социологических теорий. «Возвращение материального объекта» (так определили этот поворот Д. Пелс, К. Хезерингтон и Ф. Ванденберге⁴ [51, р. 1-22]) принесло с собой не только признание теоретической ценности пространства, но и переосмысление одной из центральных категорий классической социологии – категории «Общества».

Возвращение объекта

Обратимся к социологии тела. Телесность представляет собой наиболее яркий пример протяженности, имеющей значение для социологического исследования. Анализ пространственной структурированности социального взаимодействия в работах ряда современных теоретиков (И. Гофман, Э. Гидденс, П. Бурдьё, Т. Хэгерstrand) опирается именно на аксиому телесности взаимодействующих.

При этом какое-либо общее для всех авторов понимание роли и значения тела отсутствует. Например, для П. Бурдьё тело индивида служит, прежде всего,местилищем социальных практик (*habitus*). Посредством практик в нем закрепляются общественные предписания. «Перефразируя Пруста, – пишет Бурдьё, – можно было бы сказать, что ноги и руки полны заостренными императивами. Так что можно было бы составить список ценностей, ставших телом, благодаря транссубстантивации, ... которая способна внушить целую космогонию, этику, метафизику и политику через такие незначительные предписания, как “держи прямо” или “не держи нож в левой руке”» [2, с. 135].

³ Исчерпывающий анализ данной проблемы предложен А.Ф. Филипповым в [21].

⁴ Дик Пелс – профессор социологии Брунельского университета (Великобритания), специалист по социологии знания. Кевин Хезерингтон – профессор Ланкастерского университета (Великобритания), специалист по социологии потребления. Фредерик Ванденберге – профессор Утрехтского университета (Голландия), специалист по истории и теории социологии. Пелс, Хезерингтон и Ванденберге ставят своей задачей анализ тех последствий, которые стремительное развитие «социологии техники» имеет для фундаментальной социальной теории.

Для социального географа Т. Хэгерстранда, тело, напротив, не конечная, а исходная точка теоретизирования. Телесная конституция, по его мнению, задает основные ограничения социальной жизни – пределы возможностей передвижения и восприятия, ограничения одновременного участия в нескольких социальных ситуациях (отсюда «требование очередности», необходимая последовательность эпизодов взаимодействия), наконец, конечность телесного существования как «бытия в направлении смерти» [32]. (В этой части рассуждений Т. Хэгерстранда заметно влияние философии М. Хайдеггера).

Критикуя Хэгерстранда за «преувеличенный интерес к свойствам тела», Энтони Гидденс предлагает альтернативную социологическую интерпретацию телесности – интерпретацию, избегающую крайностей конструктивизма (тело, как нечто создаваемое социальными практиками) и эссенциализма (тело, как внесоциальное основание социальности). Вслед за М. Мерло-Понти, он говорит о «теле, как о способности предопределенного действия» [7, с. 118]. Категория действия – одна из центральных в социологии. Указание на телесность актора открывает новую грань данного понятия. Поскольку тело не является «недифференцируемой целостностью», различные действия могут приобретать различную телесную контекстуализацию. Одна и та же фраза, произнесенная человеком, стоящим к нам лицом, и человеком, повернувшимся спиной, воспринимается по-разному. (Впрочем, эту часть своих рассуждений, касающуюся роли «лица» (facework), Гидденс практически полностью заимствует у И. Гофмана [31]).

Изложенными позициями, безусловно, проблематика тела в социологии не исчерпывается. Привести даже краткий обзор социологических теорий, опирающихся на аксиому телесности, здесь не представляется возможным⁵. Однако для всех для них характерна интерпретация тела, в первую очередь, как *протяженного объекта*, *res extensa*. Протяженность человеческого тела – есть необходимое основание пространственности социальной жизни.

«Как тела и биологические индивиды, – пишет П. Бурдьё, – человеческие существа помещаются *так же как и предметы* (*курсив мой – В.В.*) в определенном пространстве (они не обладают физической возможностью вездесущности, которая позволяла бы им находиться одновременно в нескольких местах) и занимают одно место» [3, с. 33]. Значит ли это высказывание, что принципиального отличия между телом действующего и, например, окружающими его предметами не существует? Если нас интересует именно способность тела занимать место в пространстве и быть воспринимаемым как «существующее в пространстве», то есть ли различие между телом человека и стулом, на котором он сидит, клавиатурой компьютера, которой он в данный момент пользуется, и трубкой, которую курит?⁶ Тело, с этой точки зрения, – лишь один из объектов, структурирующих пространство, поэтому от аксиомы телесности легко перейти к «*аксиоме объектности*».

Ирвинг Гофман делает этот шаг в поздних своих работах. В его теории фреймов идея различения «планов исполнения» вытесняется понятием «реквизита» (equipment) – всей совокупности опосредующих социальное взаимодействие материальных объектов, которые «фреймируют» ситуацию, закрепляют ее в окружающем мире, наделяют объективностью [10, с. 564]. Объект – это «якорь» (anchor) социального взаимодействия. Теперь регионализация пространства определяется не игрой исполнителей, а размещением в ней материальных предметов, конституирующих пространственные границы «фрейма» (определенным образом структурированной ситуации взаимодействия). «Если вы

⁵ Более подробно см. [57]

⁶ Этот ряд вопросов в конечном итоге приводит нас к проблемам различения живого и неживого в пространстве, а также поиску ресурсов описания специфичности человеческой телесности. Попытка решения первой задачи, связанная с необходимостью обособления биологии от механики, была предпринята в неовитализме Э. фон Гартмана и Х. Дриша [13]. (Применительно к социологии пространства см. [21, с. 78]). Вторая проблема является одной из центральных в философской антропологии Х. Плеснера [18] и А. Гелена [6]. Однако нас интересует не то, как эти аспекты могут быть различены, а, напротив, при каких условиях их различением можно пренебречь. Иными словами, как возможно отсутствие различия между телом и неодушевленным материальным объектом?

организуете театр или, скажем, авиационный завод, – пишет Гофман, – вы обязаны найти место для того, чтобы люди смогли повесить пальто или припарковать машины; при этом было бы неплохо, если бы и вешалка и стоянка были бы местами, гарантирующими сохранность пальто и автомобилей» [10, с. 61]. Места – такие как гардероб или автостоянка – структурируются не взаимодействующими людьми, а опосредующими это взаимодействие вещами (одеждой и автомобилями). Именно в материальных объектах, с точки зрения Гофмана, закреплён неконструируемый смысл ситуации.

Прямая противоположность гофмановскому пониманию роли материального объекта в социальном взаимодействии содержится в работах Г. Гарфинкеля и его последователей. Для них никакого исходного, предписанного и нерелятивируемого смысла объекта нет, а есть лишь его партикулярное использование в каждой конкретной практике. Поэтому всякий объект оказывается «как-если-бы» объектом, чье значение обусловлено его использованием «здесь и сейчас». Гарфинкелевское понятие «*as-of-which object*» указывает на несколько аспектов объектности – на ситуацию, в которую объект включен, на его связь с другими объектами в рамках данной ситуации, на то функциональное место в пространстве и времени, которое он занимает⁷. Например, спички, используемые игроками в покер вместо денежных купюр, не «замещают» денежные купюры, они *суть* деньги в данной конкретной практике.

Дискуссия о роли материальных объектов в конституировании социальной реальности могла бы показаться периферийной и второстепенной (ни в «фрейм-анализе», ни в этнометодологии данная проблема не является центральной). Однако тенденции, наметившиеся в социологии в результате развития дисциплины «Наука, Техника и Общество»⁸ (“Science, Technology and Society”, далее – STS), заставляют говорить о новой интерпретации проблемы «материального в социальном» и «социального в материальном».

«Объекты вновь возвращаются в современную социальную теорию, – пишут Пелс, Хезерингтон и Ванденберге. – В виде товаров, машин, коммуникационных технологий, продуктов питания, произведений искусства, городских территорий... появляется новый мир материальностей и объектностей. Разговаривая с разумными машинами, модифицируя свое тело посредством технологий протезирования и генной инженерии, срастаясь с мобильными телефонами, блуждая в виртуальном пространстве, воплощая фантазии робототехники, мы смешиваем собственную человеческую сущность с активными и деятельными объектами в завораживающей, но приводящей в замешательство манере» [51, р. 1]. Бурное развитие STS, ставшее запоздалым ответом социологии на научно-техническую революцию, вернуло в социологическое теоретизирование не только интерес к материальным объектам, но и проблему преодоления дуализма – на этот раз дуализма «техники и общества» (или «человека и объекта»). Именно таков пафос большинства теоретиков, ассоциирующих свои работы с «материалистическим поворотом» начала 80-х: «Множество новых подходов в антропологии и географии материальной культуры, исследованиях науки и техники, социологии потребления и риска нацелены на понимание созидающей и интегрирующей функции «вещей» в производстве того, что мы называем обществом. Акцентируя степень встроенности, закреплённости и фиксированности социального в материальном, эти новые подходы бросают вызов социологическому «мэйнстриму», который до недавнего времени практически не задавался вопросами отношений между человеческим и не-человеческим, культурой и природой, обществом и техникой» [51, р. 2].

Начало «материалистическому повороту» было положено в работах социальных антропологов М. Томпсона [58], М. Дуглас [14] и Б. Ишервуда [29], а также – И. Копытова [34, р. 64-94] и А. Аппадюрия [23, р. 3-63], исследовавших «социальную жизнь» вещей и их

⁷ В дальнейшем Гарфинкель отказался от использования неологизма «*as-of-which*», вернувшись к понятию «ориентированного объекта» (oriented object). Я искренне признателен проф. Э.У. Роулз за разъяснения.

⁸ Понятие «*technology*» может переводиться и как «техника» и как «технология». В данном случае речь идет не о «последовательности операций», а именно о «совокупности артефактов, выполняющих функцию опосредования», поэтому перевод «техника» кажется нам более удачным.

«культурные биографии». Преобладание социальных антропологов у истоков направления, оказавшегося доминирующим в исследовании техники и науки, оказалось значимым для дальнейшего «эмпирического анализа социальности материального мира» [51, р. 7]. Изначально STS развивается скорее по линии «антропологии техники», чем «социологии науки». С этим связаны крайний эмпиризм и неприятие классической социологической теории.

С точки зрения апологетов «материалистического поворота» социальная теория базируется на ошибочном противопоставлении субъекта объекту и недооценке значения последнего. Из всей классической социологии исключение делается для одного Г. Зиммеля, привлечшего внимание исследователей к значению материальных объектов – руин, дверей, мостов, дверных ручек – в повседневной жизни⁹. Но ведь именно Зиммель обосновывал уход от исследования «вещей per se» к исследованию их социального смысла! Его разработки представляют собой яркий пример неокантианского подхода к исследованию материальности, в котором вещи фигурируют скорее как смысловые, нежели материальные целостности. «Комплексы свойств, которые мы называем вещами, – отмечает Зиммель, – со всеми законами их взаимосвязи и развития, мы можем представить себе в их чисто предметном, логическом значении и, совершенно независимо от этого спрашивать, осуществлены ли эти понятия или внутренние созерцания... Этот содержательный смысл и определенность объектов не затрагивается вопросом о том, обнаруживаются ли они затем в бытии» [21, с. 82]. Такая постановка вопроса позволяет Зиммелю говорить о вещах, находящихся в разных местах, как об «экземплярах» и «видах» (*Ausgestaltungen*) одной и той же вещи, проливая тем самым свет на *логику вещей* и *логическую организацию пространства*. Однако вещь, взятая в своем чисто логическом значении, лишена материальности, вещности. Видимо, поэтому для представителей STS работы Зиммеля служат не «точкой опоры», а «точкой отталкивания». В то время как для Зиммеля важен социальный смысл, продуцирующий человеческое действие, для них имеют значение только конституирующие, агентные свойства опосредующих действие вещей, их место в запутанном переплетении материального и социального.

Помимо работ Зиммеля, проблематика материального объекта представлена в социологической теории двумя концептами – «*фетишизмом*» (в контексте марксистской «критики товарного фетишизма») и «*реификацией*». В первом случае акцентируется персонификация и «агентификация» объектов, приписывание им некой мета-материальной силы. Во втором – овеществление мира социальных отношений, интерпретация их в объективированном и де-социализированном ключе. Оба концепта являются своего рода реакцией на развитие и распространение материального производства, оба имеют непосредственное отношение к критической социальной теории. Что именно привлекает в них сторонников «материалистического поворота»?

«Идиомы реификации и фетишизма, – пишут Пелс и др., – предлагают нам интригующие образцы переосмысления отношений между социальностью и материальностью в условиях онтологической неопределенности, когда различие мира вещей и мира людей теряет свою прежнюю очевидность» [51, р. 4]. Собственно, само различие двух этих миров рассматривается как наследие «модернистского проекта», противопоставившего природу и культуру. В эпоху распространения социо-технических гибридов связь символических и материальных порядков требует переосмысления. Сторонники «материалистического поворота» обнаруживают в концептах «реификации» и «фетишизма» (равно как и в самой критической социальной теории) ресурсы такой реинтерпретации.

Но что значит «прояснить соотношение материальных и символических порядков [51, р. 8-11]»? Очевидно, говорить о двух независимых друг от друга логиках – логике символического, атрибутируемой социальному миру, и логике материального,

⁹ Любопытно, что Зиммель является чуть ли не единственным теоретиком-классиком, сделавшим пространство предметом последовательного социологического теоретизирования.

атрибутируемой миру физическому – сторонники «материалистического поворота» отказываются. Отсюда необходимость установления отношений между категориями материального и символического, вещного и социального.

Первое теоретическое решение (предложенное, в частности, Ромом Харре¹⁰) отдает приоритет символическому. Р. Харре разводит «социальные» и «не социальные» объекты, обнаруживая это различие в самом языке повседневного общения: «Существительные вроде “флаг”, “доллар” или “магазин” отличны от существительных “вода”, “песок”, “рука” и т.д. Последние не требуют какого-либо социального контекста для понимания их смысла» [33, р. 24]. Отсюда вывод: объект становится социальным объектом благодаря укоренению в *нарративе*. Например, «алкоголь» не является социальным объектом, тогда как «вино для причастия» – социально, поскольку встроено в логику христианского нарратива. Главное отличие социальных вещей, таким образом, состоит в их *индексичности* [33, р. 24], т.е. способности выполнять функции знаков, отсылая к некоторой социальной системе категорий.

Подобное решение весьма традиционно для социальной теории, но в целом чуждо логике «материалистического поворота». Гораздо ближе ей оказывается способ рассуждений, заимствуемый из юриспруденции. Уильям Питц¹¹ в своем исследовании «материальных оснований контрактных отношений» [52], распространяет юридическую логику анализа на все социальное взаимодействие. В результате, материальное становится предпосылкой социального – без отчуждения и передачи некоего материального объекта устные договоренности не имеют силы, а, следовательно, «материальный объект есть необходимое условие для возникновения нового социального факта; без материальности не было бы социальности» [52, р. 39]. Социальная интеракция раскрывается не как «взаимодействие между людьми», а как «взаимодействие по поводу вещи».

Любопытно, что материалом анализа для Р. Харре служат сказки и притчи, то есть, нарративы, в которых вещи обретают свое социальное значение; тогда как У. Питц выстраивает аргументацию на анализе материалов судебных процессов, где «обсуждение вещей» дает начало новым социальным дискурсам.

Оба решения – сведение материального к символическому (Р. Харре) или символического к материальному (У. Питц) – оказываются в равной степени неудовлетворительными, когда речь заходит об исследовании «гибридного мира». Ведь по сути, оба подхода представляют собой различные формы редукционизма, не проясняя соотношение материальных и символических порядков, а редуцируя одни к другим. Для того чтобы ответить на основные вопросы, заявленные представителями «материалистического поворота» в качестве программных, необходимо, следовательно, найти такую логику анализа, которая преодолела бы дуализм вещного и социального, не сводя одно к другому – логику взаимопроникновения.

Так, в исследованиях науки и технологии возникает принципиально иное теоретическое решение: материальное и социальное взаимообуславливают друг друга, сплетаясь в разветвленную сеть социо-технических отношений; материальные и символические порядки *симметричны*. Данный тезис стал центральным для нового направления в рамках «материалистического поворота» – *акторно-сетевой теории* (Actor-Network Theory, ANT).

Акторно-сетевая теория: рождение новой метафорики

Еще до того как Аппадюррай и Копытов в середине 80-х сформулировали программу изучения социальной жизни вещей, в 1979 г. Бруно Латур и Стив Вулгар провели «этнографическое исследование жизни лаборатории» [35]. Авторы обратили внимание в

¹⁰ Ром Харре – профессор психологии университета Оксфорда. Теоретик и методолог социальных наук, один из наиболее популярных социальных психологов XX века, специалист в области исследований дискурса.

¹¹ Уильям Питц – специалист в области сравнительного правоведения, практикующий юрист и политик (один из руководителей американской Партии зеленых). Известен своими работами в области философии права.

первую очередь на роль «вещей» – оборудования, лабораторного материала – в производстве научного знания. Известная работа С. Шаффлера и С. Шейпина «Левиафан и воздушный насос: Гоббс, Бойль и экспериментальная деятельность» [55] стала своего рода откликом на идеи Латура и Вулгара в науковедении. Латур в дальнейшем развивает мысль о «гетерогенности» научного знания, о превращении ученых-исследователей, оборудования, экспериментального материала, лабораторий в *сеть*, где живое неотличимо от неживого именно в силу ее разнородности. (Принцип гетерогенности в данном случае означает, что элементы сети принадлежат разным порядкам и свести научное знание к одним лишь «идеям», «ученым», «практикам» или «технологиям» не удастся). Отсюда ошибочность завышенной оценки индивидуального гения и недооценки вещной, материальной составляющей научной деятельности («Пастеризация Франции», [38]).

Позднее, в наиболее известной своей работе «Мы никогда не были современными» [39], Латур сформулировал идею гибридности современного мира, где такие социотехнические гибриды как «человек-автомобиль», «человек-телефон», «человек-оружие», «человек-компьютер» стали доминирующей формой жизни. Дальнейшее взаимопроникновение социального и материального в результате развития генной инженерии и технологий протезирования лишь усиливает общую гетерогенность реальности. Пытаясь теоретически осмыслить процессы гибридизации, Б. Латур последователен в своем стремлении разработать такую концептуальную рамку социологического анализа, в которой естественное станет неотличимым от искусственного. Это требует особой оптики и языка описания, построенного на принципе радикальной «генерализованной симметрии», стирающего привычные различия. «Готовые человеческие субъекты и объекты внешнего мира, – заявляет Латур, – не являются для меня отправной точкой; они могут быть лишь пунктом моего прибытия» [36, р. 182].

Хотя сам термин «ANT» принадлежит не ему, Латур вполне может считаться основателем акторно-сетевой теории. В конце 90-х гг. выделились две ветви ANT. Парижская ветвь, представленная самим Бруно Латуром и Мишелем Каллоном (преподающим, как и Латур, в парижской «Горной школе»), развивает общетеоретические и методологические интенции акторно-сетевого подхода. Предложенная Латуром «реляционная онтология» (или «онтология гибридного мира») на сегодняшний день составляет значимую альтернативу социальному конструктивизму П. Бурдьё. Мишелю Каллону принадлежит разработка версии акторно-сетевого подхода, которая получила название «социологии трансляций»¹² [25]. Эта версия ANT пользуется наибольшим успехом в экономической социологии и социологии рынков. Вторая, ланкастерская ветвь ANT, представленная Джоном Ло (J. Law), Эннмари Мол (A. Mol), Мадлен Акрич (M. Akrich), Нильсом Альбертсеном (N. Albertsen), Викторией Синглтон (V. Singleton), развивает положения Латура в исследованиях науки и техники.

Однако сегодня идеи акторно-сетевой теории распространились далеко за пределы STS. С 1999 г. принципы этого подхода активно применяются в исследованиях информационных систем [56]. Латуровское описание «гибридного мира» было использовано для социологического анализа последствий развития генной инженерии [1]. В социальной географии находит применение предложенная Латуром метафорика «множественных пространств» и «гетерогенных сетей» [22, р. 82-88], а также ряд положений «социальной топологии» Дж. Ло [59]¹³. В семиотике акторно-сетевого подход рассматривается как современный вариант формализма и переосмысление структуралистских идей А.-Ж. Греймаса [12]. В экономике и экономической социологии особенно продуктивной

¹² Трансляция – это процесс упорядочения и самоорганизации сети. Посредством трансляции осуществляется постоянное воспроизводство отношений акторов. Устанавливая связи, приобретая идентичности, включаясь в сети и выходя из них, акторы создают новые сущности и сами становятся их частью [27, р. 58].

¹³ То, что идеи акторно-сетевой теории оказались востребованы именно исследователями-географами далеко не случайно. Предлагаемый Латуром подход к проблеме социальных и материальных порядков открывает новые перспективы синтеза разработок физической и социальной географии.

оказалась критика Каллоном многочисленных «сетевых подходов», игнорирующих включенность материальных объектов в сети обмена и взаимодействия [26]¹⁴.

В чем отличие акторно-сетевой теории от прочих направлений «материалистического поворота»? Во-первых, ANT не принадлежит социально-антропологической традиции, а потому задача исследования социальности материального мира не принимается ей как самоочевидная. В работах Латура и Ло объекты действительно эмансипированы и уравнены в правах с субъектами, они, так же, как и люди, являются «актантами» – то есть, «вовлеченными в действие». Акторно-сетевая теория гораздо сильнее связана с семиотикой и лингвистикой, чем с социальной антропологией. Во-вторых, ANT предлагает амбициозный проект перестройки всего здания социологической теории с учетом проблемы множественности пространств, значения материальных объектов в социальном взаимодействии, предпосылок гетерогенности и гибридности социального мира. В-третьих, акторно-сетевая теория предлагает новую метафорику мышления о социальном – *метафорику сетей и потоков* – в рамках которой социальное может быть помыслено как неразрывно связанное с материальным, смысловое – с протяженным, темпоральное – с пространственным¹⁵. Вероятно, именно этой метафорике социального акторно-сетевой подход и обязан своей популярностью.

«Физическая социология» Бруно Латура

Б. Латур – не только основатель, но и методолог ANT. Его собственная концепция находится на гораздо более высоком уровне абстракции и эпистемологической рефлексии, нежели работы его последователей, занятых применением акторно-сетевой теории в различных областях знания. Однако в основе ее лежит все та же интенция «возвращения объекта», неприятие социологизма и социального конструктивизма.

Так, классическую социологию нисколько не интересует устройство кораблей, на которых европейские протестанты перебирались в Америку, а само их путешествие могло быть проанализировано только в контексте «преодоленных трудностей» и «выдержанных испытаний», оказавших впоследствии влияние на всю протестантскую «систему ценностей». Материальное вытеснялось смысловым, смысловое объявлялось социальным. Такова стратегия классического социологизма. Социальный конструктивизм бурдьевистского толка пошел еще дальше и заместил материальное социальным, обнаружив в объектах физического мира лишь следы структурирующих их практик. Как пишет Латур: «социальная интерпретация в конечном счете подразумевает способность *заместить* некоторый объект, относящийся к природе, *другим*, принадлежащим обществу, и показать, что именно он является истинной сущностью первого» [16]. (Несколько полемических атак на конструктивизм П. Бурдьё Латур предпринимает в [43], [44]).

Каким образом исследования науки и техники способны изменить расстановку сил? Создав новый социологический дискурс, в котором материальный объект станет предметом социологического анализа, не утратив при этом своей объектности. «Например, если велосипедист, наткнувшись на камень, слетел с велосипеда, – пишет Латур, – обществоведам нечего сказать по этому поводу¹⁶. Но стоит вступить на сцену полицейскому, страховому агенту, любовнику или доброму самаритянину, сразу же рождается социологический

¹⁴ См. интервью Д. Старка в журнале «Экономическая социология» [19].

¹⁵ Подчеркнем, речь идет именно о новой метафорике. Однако метафору здесь не следует понимать как нечто «поверхностное» и «не буквальное». По справедливому замечанию Х. Вайнриха, метафоры имеют непосредственное отношение к процессу познания и рядоположны понятиям [4], граница между понятиями и метафорами не фиксирована и подвижна. Так, для социологического рассуждения наиболее характерными являются противопоставляемые друг другу метафоры «целостности» и «дискретности» (см. [20]). Метафора «сетей и потоков» претендует на роль новой значимой метафоры в социологии.

¹⁶ Здесь, очевидно, аллюзия на текст М. Вебера о категориях понимающей социологии: «Случайное столкновение велосипедистов мы не назовем общностно ориентированными действиями, но их предшествующие попытки избежать инцидента, а также их возможную “потасовку” или попытку прийти к мирному “соглашению”, мы уже относим к действиям упомянутого типа» [5, с. 509].

дискурс, потому что здесь мы получаем ряд общественно значимых событий, а не только каузальную смену явлений. Представители STS не согласны с таким подходом. Они считают социологически интересным и эмпирически возможным анализировать механизм велосипеда, дорожное покрытие, геологию камней, психологию ранений и т.п., не принимая разделение труда между естественными и общественными науками, основанное на дихотомии материи и общества. Несмотря на то, что такая уравниловка («симметрия», употребляя профессиональный жаргон) вызывает ожесточенные дискуссии в нашем лагере, все участники STS согласны относительно следующего: общественные науки должны *выйти за пределы* той сферы, которая до настоящего времени считалась сферой «общественного» [16]¹⁷.

По мнению Латура, одна из причин победы социологизма (а затем и социального конструктивизма) состоит в том, что социология избежала внутреннего конфликта между «физической» и «социальной» составляющей. Существуют физическая и социальная география, физическая и социальная антропология. Психология представляет собой своего рода континуум – от психофизиологии до социальной психологии и психологии личности. Демография разрывается между проблемами статистики и проблемами морали. И даже внутри экономики существует разделение на натурализацию рынка и экономизацию природы. «Есть *социальная* социология, но где же *физическая* социология? – отмечает Б. Латур, – Социобиология, увы, не годится: она слишком воинственно противостоит общественным наукам и слишком нерефлексивна чтобы производить политически значимые «вещи». Я бы предположил, скорее, что искомым двойником социологии должны стать именно STS, способные удержать дисциплину «на ее границах». Они обратят внимание своих коллег, погруженных в «общественное» и «символическое», на чудовищную трудность рассмотрения объектов, которая требует от обществоведов принять радикальное смешение предметов, что придаст дисциплине больше сходства с остальными общественными науками. Общественное – не территория, но лишь один из голосов в ансамблях, собирающих вещи на этот новый (очень старый) политический форум: постепенное создание общего мира» [16].

Поэтому «физическая социология» Латура совершенно ошибочно причисляется Р. Коллинзом [28] к современным течениям социального конструктивизма. Атака на «Всеобъемлющее Социальное» и создание «физической социологии» – это следствия отступления Латура от социально-конструктивистской программы, продиктованного желанием «спасти конструктивизм от социальных конструктивистов» [43].

Любопытно, что первая получившая известность работа Латура (в соавторстве с Вулгаром) вышла в 1979 г. под названием «Жизнь лаборатории: социальное конструирование научных фактов» [36]. Латур и Вулгар показали каким образом ученые создают в процессе своей деятельности нечто, чему затем приписывается объективное существование. Так, новый научный факт «тиреотропин-рилизинг-гормон» при ближайшем рассмотрении оказался ситуативным феноменом, сконструированным в определенном социально-культурном контексте. Однако уже во втором издании данной работы (1986 г.) слово «социальный» из названия исчезает!

Латур приводит следующий комментарий: «Что пошло не так? Поначалу это казалось хорошей идеей: весело, оригинально, понятно – использовать слово “конструктивизм” для обозначения работы, которую я делал в исследовании науки и техники; лаборатории действительно выглядели гораздо интереснее, будучи описанными как стройплощадки, а не

¹⁷ Надо отметить, что попытки «разомкнуть каузальные ряды» предпринимаются не только сторонниками изучения «протяженных вещей», но и теми, кто ратует за возвращение «вещей психических». Социальный психолог С. Московичи, атакует социологизм с противоположной, психической, стороны декартового дуализма. Если, по Латуру, невозможно объяснить социальное социальным и потому необходимо обратиться к «протяженному» (*res extensa*), то для Московичи провал программы социологизма служит обоснованием апелляции к «психическому» (*res cogitans*). Поскольку «психическое, выброшенное за дверь, возвращается в социологию через окно» [17, с. 31-52].

как темные подземелья, где хранятся мумифицированные законы науки. И прилагательное “социальный” поначалу казалось очень удачно выбранным, поскольку я и мои коллеги помещали почтенную работу ученых в горячую ванну культуры и общества, с тем, чтобы сделать ее снова молодой и полной жизни. Тем не менее, все пошло вкривь: мне пришлось со стыдом соскребать слово “социальный” из подзаголовка “Жизни лаборатории”, как портреты Троцкого соскребались с фотографий парадов на Красной площади» [43, р. 1]. На смену социальному конструктивизму в работах Латура приходит конструктивизм, который можно назвать *«реципрокным»*: материальное и социальное находятся в процессе взаимного конструирования. «Давно ставшая тривиальной тема социального конструирования, – пишет Латур, – перевернулась теперь с ног на голову: ученые стараются выявить ингредиенты, которые лежат в основе того или иного общественного порядка. Что было причиной, стало предварительным следствием. Общество не состоит из социальных функций и факторов...» [16].

Однако назвать материальные объекты «ингредиентами общественного порядка» и ввести их в рассмотрение социологии недостаточно для того чтобы преодолеть дуализм материального и социального. Необходимо заново исследовать саму природу вещи.

«После обозначившегося в современный период раскола между объективным миром и миром политического, – пишет Латур, – вещи более не служат товарищами, коллегами, партнерами, соучастниками или компаньонами в созидании социальной жизни. Объекты могут выступать теперь только в трех качествах: как невидимые и надежные инструменты, как детерминирующая инфраструктура и как проекция» [40, р. 237]. В качестве инструментов они передают социальную интенцию, которая проходит через них, без всякого на них влияния. В роли элементов инфраструктуры они образуют материальный фундамент, «на котором затем надстраивается социальный мир знаков и репрезентаций». Как проекции они могут только служить предметом утонченной игры в описания.

Латур иллюстрирует данное положение на примере роли переговорного устройства, через которое общаются посетитель и служащий в почтовом отделении: «Как инструмент, переговорное устройство, например, служит лишь для предотвращения нападения покупателей на сотрудников. Его функция на этом исчерпывается, оно не влияет на взаимодействие – только облегчает или сдерживает общение. Как инфраструктура разговорное устройство непосредственно связано со стенами, перегородками, компьютерами – со всем, что составляет материальный мир... Как проекция то же самое переговорное устройство перестает быть сделанным из стекла и дерева предметом с отверстиями, а становится знаком, символизируя различия в статусе или модернизацию обслуживания. Раб, господин или субстрат знака – в каждом случае сами объекты остаются невидимыми, асоциальными, маргинальными, не участвующими в конструировании общества» [40, р. 238]. В результате этого разрыва объекты уже не могут вернуться в мир социального, не разрушив его.

Чтобы преодолеть разрыв, необходимо переписать объект, сделать его частью гетерогенной сети отношений, вернуть ему статус «конституенты действия». Для этого понятия «субъекта», «актора», «агента» не подходят как «слишком человеческие». По-Латуру, «действовать – значит опосредовать действия других» [40, р. 240]. Именно поэтому для описания агентности материального объекта Латур обращается к семиотике. Из структуралистской теории А.-Ж. Греймаса он заимствует идею *«актанта»*¹⁸. Актант понимается как предмет или существо, совершающее действие или подвергающееся действию. Согласно Л. Теньеру, у которого заимствовал этот термин сам Греймас, «актанты – это существа или предметы, участвующие в процессе в любом виде и в любой роли, пусть даже в качестве простых фигурантов или самым пассивным образом» [цит. по: 11, с. 483]. Между «Я упал» и «Камень упал» в лингвистическом отношении нет разницы. И «Я» и «Камень» – актанты, включенные в сеть разнородных агентностей и мобильностей.

¹⁸ Противники ANT, обыгрывая замену термина «актор» термином «актант», предложили заменить слово «человек» (human) словом «гумант» [62, р. 51].

Подобная семиотическая интерпретация материального объекта имеет две импликации. Во-первых, теперь вещи понимаются как «ансамбли отношений»¹⁹ (Латур) или «эффекты сети отношений» (Ло). С этой точки зрения акторно-сетевой подход является развитием идей французской постструктуралистской семиотики, замешанной на релятивистской лейбницеанской онтологии; своего рода распространением категории «сеть отношений» на материальные объекты. (Собственно, эта посылка является исходной для «социальной топологии» Джона Ло). Тем не менее, Латур не относится к «философам-постмодернистам»²⁰. Он остается социологом, стремящимся использовать постструктуралистскую семиотику как теоретический ресурс исследования взаимосвязи объектов.

Во-вторых, «актантное» описание объекта позволяет рассмотреть его не просто как элемент в гетерогенной сети отношений, но как составляющую *сети действий и взаимодействий*. Здесь категория сети получает дополнительную, не семиотическую интерпретацию.

В программной статье «Об интеробъективности» Латур предлагает свое решение классической проблемы специфичности человеческого действия. В чем принципиальное отличие интеракции людей от взаимодействия животных? На первый взгляд, этот вопрос должен показаться ложным теоретику акторно-сетевого подхода, ратующему за устранение модернистской дихотомии субъекта и объекта. Но для Латура такая постановка проблемы вовсе не служит обоснованию превосходства людей над животными. Он старательно игнорирует всякие апелляции к «смыслу» или «символическим интерпретациям». Главное отличие человеческой интеракции от не-человеческой – повсеместное присутствие материальных предметов: «Почему бы не обратиться ко всем этим бесчисленным объектам, отсутствующим для обезьян, но вездесущим для людей, локализирующим и глобализующим взаимодействие? Как вы можете представить себе конторку без разговорного устройства, поверхности стойки, двери, стен, стула? Разве они не задают рамки взаимодействия? Как бы вы подвели дневной баланс без формуляров, расписок, счетов, grossбухов и как можно не заметить прочность бумаги, долговечность чернил, гравировку монет, твердость скрепок? Стремясь сделать социальное из социального, подлатав его символическим, социологи не замечают присутствия объектов в тех ситуациях, в которых они ищут лишь смысл» [40, р. 236].

Здесь следует особое внимание обратить на характеристики «локализирующим» и «глобализующим» применительно к взаимодействию. Это потребует от нас некоторого отступления к теории фреймов Ирвинга Гофмана.

Гофман исследует взаимодействия индивидов, находящихся в некотором замкнутом пространстве – социальном образовании. (Под замкнутостью Гофман понимает «наличие барьеров, препятствующих чужому восприятию» [9, с. 283]). Акцент переносится с символического опосредования общения на взаимное восприятие людей в ситуации *соприсутствия*. Таким образом, интеракцию он определяет не как «обмен смыслами» двух и более «рефлексивных акторов» (что в целом характерно для символических интеракционистов), а скорее как «распределение пересечений присутствия и отсутствия» телесных индивидов [7, с. 122].

Для описания локальной интеракции Гофман использует понятие «фрейм» (frame) или более общее – «framework»²¹. Фрейм задает ограничения взаимодействия в пространстве и

¹⁹ Само выражение «объект – ансамбль отношений» принадлежит К. Марксу. Его использование Латуром не случайно – как уже было отмечено, критическая теория является значимым теоретическим ресурсом акторно-сетевого подхода. Ключевое различие в интерпретации состоит в том, что для Маркса объект – это ансамбль *социальных* отношений. Для Латура же «социальное» – не причина, а следствие.

²⁰ Хотя Латур – ученик и близкий друг философа-постструктуралиста Мишеля Серра, через которого воспринял идеи «психоанализа вещей» Гастона Башляра. В релятивистской интерпретации философии Лейбница Латур близок Делезу.

²¹ В отечественных источниках слово «framework» переводится либо как «рамочная структура» [8], либо как «система фреймов» [10]. Первый перевод не отражает связи «framework» с понятием «фрейма», второй – менее

времени, выступая одновременно и как «матрица возможных событий» и как «схема интерпретации происходящего» взаимодействующими индивидами [10, с. 86].

Латур, заимствуя у Гофмана эту категорию, приводит следующий пример: «Когда я стою у конторки, пытаюсь купить почтовые марки, и говорю что-то в решетку переговорного устройства, за моей спиной не стоят коллеги, начальники и родственники и не дышат мне в спину. И, слава богу, служащий не рассказывает мне о своей теще или о вкусах своей подруги. Бабуины не располагают столь благоприятными для контактов условиями. Всякий бабуин может вмешаться в любое взаимодействие» [40, р. 236].

Таким образом, человеческую интеракцию от взаимодействия обезьян отличает именно ее *фреймированность*, локализованность, отгороженность от событий «внешнего» – по отношению к ситуации соприсутствия – мира. Но фрейм не существует лишь в сознании, как «ментальная структура» или чистая схема интерпретации! Он укоренен (anchored) в материальных предметах. «Что-то, – пишет Латур, – предохраняет человеческое взаимодействие от распространения «вовне» и от прерывания «изнутри» кем-либо из его участников. Эта двухсторонняя мембрана нематериальна как «фрейм» (взятый в своем метафорическом значении) или материальна как перегородка, стена или рамка (в прямом смысле)?» [40, р. 236]. Если сторонники таких наследующих Гофману направлений как «конверсативный анализ» (Э. Щеглофф, Х. Сакс) акцентируют нематериальность фрейма, его укорененность в структурах коммуникации (см. например [54]), то для акторно-сетевого подхода значимы именно вещные, материальные ограничения интеракции. Таким образом, «framework» – это вся совокупность «редукторов социального взаимодействия», фрагментирующих и делающих его «парциальным», это обобщенная характеристика всех *локализирующих* его ограничений.

Однако есть и еще одно существенное отличие человеческого взаимодействия, которое Гофман, сфокусировавшись на ситуациях соприсутствия, оставил за кадром. По мнению Латура, гофмановская «теория фреймов» отказывается заглядывать в «пропасть, которая отделяет индивидуальное действие от всего трансцендентного общества» [40, р. 244]. Фреймы не дают ответа на вопрос о том, что связывает взаимодействия, протекающие в различных локальностях, значительно удаленных друг от друга. «В отличие от социального взаимодействия обезьян, – отмечает Латур, – человеческая интеракция всегда смещена, лишена обычного местонахождения. Никакой одновременности, длительности, гомогенности. Для анализа взаимодействия людей недостаточно ограничиться соприсутствием тел, вниманием друг к другу, со-ориентированностью – необходимо обратиться к другим элементам, другим временам, местам и акторам» [40, р. 240]. Иными словами, помимо локализирующих характеристик, у социального взаимодействия есть характеристики *«глобализующие»*, распространяющие, делающие его повсеместным.

Если «фрейм» – это «редуктор интеракции», то «сеть» – ее «дистрибьютор». Так в латуровской социологии понятие «framework» дополняется понятием «network». («Взаимодействие выражается в двух противоположных формах: во *фреймах*, которые ограничивают его, задают его пределы, и *сетях*, которые нарушают одновременность, сходство и целостность» [40, р. 233]).

Так же как и локализация, глобализация взаимодействия возможна благодаря материальному опосредованию. Объекты одновременно и задают рамки интеракции, и размывают их. Латур приводит следующий пример: «Мы говорим, не придавая этому большого значения, что вовлечены во взаимодействие “лицом-к-лицу”. Действительно, вовлечены. Но одежда, которую мы при этом одеваем, привезена из другого места и произведена довольно давно; стены, в которых мы находимся, были спроектированы архитектором для клиента и сооружены рабочими – людьми, которые сейчас отсутствуют, хотя их действия вполне ощутимы. Сам человек, к которому мы обращаемся – продукт истории, выходящей далеко за пределы данного “фрейма”. Если вы попытаетесь нарисовать

точен стилистически. Далее мы будем использовать это понятие без перевода, по аналогии с использованием термина «фрейм».

пространственно-темпоральную карту всего, что присутствует во взаимодействии, и набросать список всех, кто так или иначе в нем участвует, вряд ли вы получите хорошо различимую структуру; скорее – спиралевидную сеть с множеством самых различных дат, мест и людей» [40, р. 233].

Для того чтобы фреймировать взаимодействие, нам необходимы перегородки и укромные места. Но сами эти места связаны между собой посредством объектов-медиаторов в гетерогенную сеть, которая смешивает времена, пространства и актантов. Вернувшись к примеру с переговорным устройством на почте, можно было бы сказать, что само переговорное устройство является элементом сети подобных устройств и всех связанных с ним взаимодействий. Оно не просто разделяет клиента и служащего, обуславливая специфичность ситуации их коммуникации, но опутывает сетью отношений клиентов, служащих, представителей фирмы, поставляющей данные устройства, сотрудников «секьюрити» (следающих за тем, чтобы пуленепробиваемое стекло обеспечивало служащим необходимый уровень безопасности в случае нападения), представителей экологического и пожарного надзора (контролирующих безопасность данного устройства в эксплуатации), а также все многочисленные формы оборудования используемого для транспортировки, обслуживания и ремонта данного переговорного устройства. В описанную сеть следует также включить все те объекты, которые передаются через окошко в стекле – поскольку окошко сделано из расчета габаритов этих объектов.

Всякий раз когда мы наклоняемся к переговорному устройству и передаем через узкую щель в стеклянной перегородке заказное письмо, мы встраиваемся в глобальную сеть отношений и интеракций, выходящую далеко за пределы наличной ситуации действия, ограниченной рамками определенного фрейма. Сети лишают социальное взаимодействие той определенности, которую сообщают ему фреймы. Таков вывод Латура.

Использование в качестве фундаментальной оппозиции различие *framework/network*, как систем редукторов/дистрибуторов взаимодействия, задает принципиально иное, не семиотическое, а собственно социологическое истолкование метафоры «гетерогенной сети». Теперь это не просто сеть разнородных отношений, но сеть человеческих и не-человеческих актантов, находящихся в постоянном взаимодействии.

Однако подобное акторно-сетевое описание взаимодействия неизбежно ведет к его реинтерпретации. Теперь интеракция не может служить «точкой отправления», поскольку в случае людей – оно всегда помещено в некоторую систему фреймов, которая размывается системой сетей, идущих через нее во всех направлениях [40, р. 242]. Если взаимодействие – не исходный, а конечный пункт теоретизирования, мы получаем принципиально иной взгляд на социальность, противоположный взгляду социологов и социальных конструктивистов. «Каждый раз, – пишет Латур, – когда мы переходим от социальной жизни обезьян к нашей собственной, нас останавливают многочисленные вопросы, связанные с размещением соприсутствия в социальных отношениях. Переходя от одного к другому, мы движемся не от простой социальности к комплексной, а от *комплексной* – к *сложной*» [40, р. 243]. Хотя два этих прилагательных имеют общую этимологию («*complexe*» и «*complicque*»), они позволяют Латуру развести две формы социального существования. «Комплексное» означает одновременное присутствие во всех взаимодействиях значительного количества «мобильностей», которые не могут быть рассмотрены дискретно. «Сложное» используется для обозначения последовательного присутствия «мобильностей», «которые могут быть исследованы одна за другой, и сложены друг в друга на манер черного ящика».

Следовательно, взаимодействие людей – как совокупность разделенных и распределенных в пространстве и времени «мобильностей» – являет собой пример сложной, а не комплексной социальности. Данную характеристику Латур экстраполирует на все человеческое общество, «составленное, сконструированное, собранное, устроенное, слепленное и смонтированное». Совместное существование людей невозможно представить без множества связанных сетью «интеробъективности» артефактов, не отражающих

«социальное» (так, как будто социальное пребывало в каком-то другом месте), а составляющих его субстрат.

Этот взгляд на социальное Б. Латур возводит к Габриэлю Тарду, точнее – к его работе «Монадология и социология». Спустя столетие Тард празднует победу над Дюркгеймом: общество начинает рассматриваться не как онтологически данная тотальность, а как сложная система монад, пригнанных друг к другу, соединяющих материальное и нематериальное в гетерогенную сеть [42]. Именно поэтому акторно-сетевая теория предпринимает попытку изъятия из словаря социологии дюркгеймовской категории «социальное» и замену ее понятием «ассоциации» [37].

Ассоциация множества материальных и нематериальных элементов (монад) – это гибрид, приобретающий свои свойства не в силу целостности, а благодаря индивидуальности каждого ингредиента и их специфических отношений, конфигураций. Латуровская теория, таким образом, связана через социологию Тарда (которого Латур называет «дедушкой АНТ») со стоящей за ней лейбницевской онтологией, акцентирующей отношения элементов, их релятивную природу.

Находясь в определенном отношении друг к другу, тела-элементы (а Латур говорит именно о протяженных телах) формируют *пространство*. Пространство не предшествует телам – оно есть порядок их сосуществования. Следовательно, всякая «ассоциация» (как порядок, конфигурация, сеть отношений) имеет пространственные характеристики. Но это уже не ньютоновское «пространство-вместилище», подобное гигантскому аквариуму, существующему независимо от своего содержания, и не кантовское «пространство как форма восприятия». Латур пишет: «Мы связываем свои рассуждения с третьей, лейбницеанской традицией, рассматривающей пространство и время как выражения некоторых отношений между самими сущностями. Но вместо одного Пространства-Времени произведем столько пространств и времен, сколько существует отношений» [41]. Отсюда тезис о множественности пространств и о самостоятельности «пространства сетей», отличного от «пространства мест».

Однако для Латура этот топологический вывод не является центральным. Гораздо более пристального внимания он удостоивается в теории «социальной топологии» Джона Ло.

«Социальная топология» Джона Ло

Ло, в отличие от Латура, ставит предельно частные задачи, связанные с применением акторно-сетевой теории в исследованиях науки и техники, отгораживаясь тем самым от традиционной социологической проблематики. При этом в качестве предмета своих исследований он постулирует «пространства», понимаемые в лейбницеанско-латуровском ключе, как системы отношений, конституирующих сущности предметов²².

Есть еще одно любопытное отличие «социальной топологии» Ло от «физической социологии» Латура. У Латура «сеть» – это социологическое понятие, характеристика глобализованного, распределенного в пространстве и времени человеческого взаимодействия, поделенного на дискретные «мобильности» и опосредованного объектами. Ло ограничивается семиотической интерпретацией «сети», делая тем самым шаг навстречу постструктурализму, распространяя на материальные объекты ту же релятивистскую логику рассуждений, которую постструктуралистская семиотика применила к элементам знаковых систем [46, р. 4].

«Предполагается, – отмечает Дж. Ло, – что объект – это *эффект некоторого множества отношений*, то есть, эффект сети. Все, что соединяет данные отношения и есть объект, до тех пор, пока отношения сохраняют свою форму, не распадаются. Этот подход основывается на постструктуралистской версии семиотики. Семиотика, в ее европейском «десоссюровском» варианте синхронической лингвистики, доказывает, что значение понятия зависит от его отношений и, особенно, от отношений различия между данным понятием и

²² Ло и Латур усматривают в тезисе «отношения предшествуют сущности» сходство с сартровским принципом «существование предшествует сущности».

другими, близкими ему. «Собака» и «кошка». Каждое из этих понятий приобретает свое значение благодаря отличию от другого. Другое, в свою очередь, также соотносимо с набором различных понятий. «Собака», «кошка», «волк», «щенок» и так далее. Таким образом, значение термина произвольно (arbitrary), хотя и сильно детерминировано сетью отношений различия» [47, р. 1].

В том, что касается критики структурализма с его верой в существование незыблемой «глубинной структуры», подход Ло близок постструктурализму. «Постструктурализм, – пишет он, – утверждает существование *различных* глубинных структур, поддерживающихся и создающихся в *различных* социальных ареалах, которые, таким образом, конструируют *различные* классы объектов – и *различные* знания об этих объектах – как потенциально доступные. Это заметно в предпринятом Мишелем Фуко анализе тела. В классической эпистеме тело есть место введения в действие отношений символической власти (например, в форме пыток) тогда как в модернистской эпистеме оно превращается в функциональную и (само) дисциплинированную машину, структурированную совокупность упорядоченных и созидających отношений. Тем самым Фуко обозначает «глубинные стратегии» для упорядочивания отношений. Подход ANT в чем-то похож, но одновременно отличен. Сходство заключается во взглядах на материальность. Речь, тела и их жесты, субъективности, строительные материалы, корабли, самолеты или огнестрельное оружие, все это проявления стратегической логики. Все участвует в поддержании всего. Все произведено отношениями и участвует в их производстве. Отличие же состоит в том, что акторно-сетевая теория менее связана – вероятно, вообще не связана – с границами возможного, установленными современностью; вместо этого ее интересуют конкретные стратегии рекурсивно и продуктивно встроенные в отношения производства объектов, организаций, субъектов и т.д. В ANT допускается множество современных “способов упорядочивания”, а не один» [47, р. 2].

Что означает это различие между подходом М. Фуко и ANT? Ло замечает: «Если мы скажем, что объекты суть просто “относительные случайности” в категориях акторно-сетевого подхода, из этого эмпирически будет следовать изучение того, как они установились и как производящие их отношения стабилизируются. В свою очередь, это означает, что возможности “мира” ограничены случайным образом, и впоследствии мир может произвести все многообразие вещей.

Но как такое может быть помыслено? Действительно ли это правильный способ рассуждения? Первый вариант: рассматривать вышесказанное как освобождение от мрачной одержимости Фуко границами условий возможного. От его предубеждения против всего, что незаметно лишило нас свободы за последние двести лет посредством логики и стратегии современной эпистемы. Однако есть и другая опция: сказать, что подобное рассуждение – лишь форма слепоты. В таком случае ANT оказывается вовлеченной в интеллектуальную и политическую борьбу против попыток заглянуть за границы возможного. Найти, создать неоткрытый континент и исследовать затененные и гетеротопичные места – места Иного, которые лежат за границами нынешних условий возможного. Собственно в этот спор об «инаковости» (alterity) мне и хотелось бы вступить» [47, р. 2-3].

Таким образом, версия акторно-сетевого подхода, предложенная Дж. Ло, фокусируется на проблеме, поставленной в современной философии Мишелем Фуко – проблеме «инаковости» (alterity). Ведь если известный нам мир материальных объектов «контингентен» (то есть, мог бы быть и иным) и цементирован отношениями, которые суть проявления определенных стратегических логик, – всякое изменение отношений означает изменение самой системы вещей. А поскольку пространство представляет собой порядок существования таких вещей-элементов, то изменение отношений также неизбежно связано с изменением «системы координат» их размещения. Именно поэтому Ло настаивает на пространственной интерпретации проблемы «инаковости», определения границ устоявшихся отношений.

Подчеркнем: пространство – есть порядок объектов, объекты – суть пересечения отношений. Изменение отношений, приводит не только к изменениям самих объектов, но и к изменениям «форм пространственности». Изучение положений и соотношений объектов входит в задачи дисциплины, которую Лейбниц называл «*Analysis situs*» – топологии. Ло, последовательно развивая мысль Латура о гетерогенности мира, о связях материального и социального, формулирует исследовательскую программу, которую можно назвать «социальной топологией».

Каковы ее ключевые положения?

Во-первых, «производство объектов действительно имеет пространственные следствия; ...пространства не самоочевидны и не единичны, но представляют собой *множественные формы пространственности*. Это необходимый ход, если мы собираемся серьезно отнестись к «инаковости» объектов в категориях пространства».

Во-вторых, «объекты создают *пространственные условия возможности/невозможности* (im/possibility)». Пространственности порождаются и приводятся в действие объектами, расположенными в них. Так задаются границы этих возможностей/невозможностей. И, в соответствии с первым утверждением, – пространственные возможности/невозможности по характеру множественны. «Признание альтернативности пространственностей, – утверждает Ло, – также существенный ход, если мы предполагаем найти пространственную связь между объектами и инаковостью. Каковы эти пространственности? Существуют различные варианты; те, о которых говорим мы, включают в себя регионы, сети и потоки²³».

В-третьих, эти пространственности и объекты, которые заполняют и создают их, *несовместимы*. Они «Иные» по отношению друг к другу. Отсюда вывод: «Объектность – есть отражение и творение данной несовместности, перехода между различными возможностями/невозможностями. Это, очевидно, ключевой аргумент, если инаковость рассматривается в том числе и как выражение пространственного различия».

Обратимся к любимому примеру Джона Ло. Одно из первых его исследований в сфере исследований науки и техники, проведенное с использованием акторно-сетевого анализа, было посвящено изучению морских технологий португальской колониальной экспансии [45]. «Сетевой анализ применим к различным уровням, – подчеркивает Дж. Ло. – Например, *корабль* может быть представлен в качестве сети: сети остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают, не говоря уже о самой команде. С другой стороны, при более обобщенном рассмотрении, *навигационная система* – со всеми ее эфемеридами, астролябиями и квадрантами, таблицами расчетов, картами, специально обученными штурманами, и конечно, звездами, вовлеченными в данную систему и играющими в ней свою роль – также может быть рассмотрена как сеть. Далее, при еще более отстраненном анализе, можно представить, скажем, всю *систему Португальской империи в целом*, с ее портами и пакгаузами, кораблями, военными диспозициями, рынками, купцами и их принципами торговли как сеть, в которой вещи более или менее устойчивы» [47, р. 4].

В данном описании все предметы исследования рассматриваются как «объекты» – корабль, навигационная система, Португальская империя и даже принципы торговли. Объектами их делают устойчивые связи и отношения друг с другом. Особый акцент на устойчивости: «Штурманы, арабские конкуренты, ветра и течения, команда, складские помещения, орудия: если эта сеть сохраняет устойчивость, корабль остается кораблем. Он не тонет, не превращается в щепки, напоравшись на какой-то тропический риф, не оказывается захваченным пиратами и уведенным в Арабское море. Он не пропадает, не теряется, до тех пор, пока команда не сломлена болезнями или голодом. Корабль – есть *эффект отношений* с

²³ То есть, пространственность – это определенная топологическая система. Известное нам и кажущееся самоочевидным евклидово пространство представляет собой лишь одну из таких топологических систем, оперирующую понятием «региона». («Эннмари Мол предположила, – пишет Ло, – что ANT – это машина разрушения регионов. Если быть более точным, это способ размывания «естественности» региона, разрушения его самоочевидности» [47]).

другими объектами и ANT-анализ направлен на исследование стратегий, которые производят – и произведены – этой объектностью». Стратегии поддерживают объектность, скрывая внутренне присущую ей хрупкость. Так Ло пытается решить обозначенную Латуром задачу «интеробъективности».

Итак, корабль перемещается, сохраняя при этом устойчивость своих связей с другими объектами. В противном случае он прекратил бы быть кораблем и стал бы обломками корабля, «летучим голландцем» или просто деревом для костра. Здесь Ло обращается к предложенному Латуром понятию «*неизменчивой мобильности*», которое в равной степени применимо к кораблю, электронному письму, сигналу тревоги или обычной почтовой посылке: «“Мобильности” – потому что эти объекты перемещаются из Лиссабона в Калькутту и из Нью-Йорка в Сидней. А “неизменчивые” потому что сохраняют при этом свою форму, структуру. Они соединены вместе наподобие сети. Таким образом, сетевая метафора действует в двух направлениях, на двух уровнях, упомянутых выше. Неизменчивые мобильности *сами* являются сетью, матрицей, как объекты. Но они же и проходят через сеть, удерживаются в матрице прочного и устойчивого окружения, в котором вращаются. Если цепь разрывается, если происходит какое-то вмешательство, тогда связка, матрица, сигнал, корабль, письмо утрачивают свой смысл, теряют свою форму, превращаются во что-то другое» [47, р. 5].

Что из этого следует?

Во-первых, корабль, как объект, пространственно или топологически множественен. («Он занимает – а также преобразует – два типа пространства. Картезианское и синтаксическое или семиотическое»).

Во-вторых, объект неизменен в каждой из форм пространства. Он сохраняется в обоих: физически – в картезианском пространстве, функционально или синтаксически – в семиотическом (сетевом) пространстве.

В-третьих, двигается он только в картезианском пространстве. Напротив, в пространстве сетей он неподвижен. Никакого изменения отношений между компонентами не происходит. Если происходит, значит, что-то не так. Значит это больше не сетевой объект.

В-четвертых, именно неподвижность в сетевом пространстве делает возможным его перемещение в пространстве картезианском, позволяя переплывать из Калькутты в Лиссабон с грузом специй. Перемещение из точки А в точку В некоторого объекта происходит благодаря устойчивости отношений между различными элементами сети, в которой этот объект помещен. Если произойдет смещение в пространстве сетей (то есть, если изменятся конституирующие объект отношения), корабль просто перестанет быть «кораблем X с грузом Y, следующим курсом Z», а станет чем-то иным.

«Такова анатомия латуровского понятия “неизменчивой мобильности”, – заключает Ло, – Неизменчивость относится к сетевому или синтаксическому пространству, тогда как мобильность – картезианский атрибут» [47, р. 5]. При этом и в «пространстве сетей» и в обычном «пространстве мест» объекты сохраняют свою целостность. Собственно, объект – и есть пересечение характеристик неизменности формы в различных топологических системах²⁴. Отсюда следует, что пространство сетей и пространство мест (регионов) – «иные» по отношению друг к другу. То, что в одном пространстве видится как движущееся, в другом оказывается неподвижным.

Но что если объект не остается неизменным? Что если вместе с перемещением происходит его изменение? Если, потеряв «ядро устойчивых отношений», он трансформируется до неузнаваемости? Тогда мобильности открывают свою изменчивость, теряют четкие очертания в сетевом пространстве и начинают мыслиться в *пространстве потоков*.

Для описания различия между пространством сетей и пространством потоков рассмотрим пример Б. Латура, названный им «парадоксом двух путешественников» [41].

²⁴ Позднее Ло использует топологическое понятие «гомеоморфизма» для характеристики непрерывности объекта, сохранения им целостности формы в разных пространственных системах [48].

Представьте себе ситуацию, в которой женщина-исследователь вынуждена прокладывать себе дорогу через дикие джунгли, где еще не ступала нога человека. На то, чтобы немного продвинуться вглубь леса у нее уходит множество времени, каждый шаг требует приложения усилий. Она, очевидно, до конца жизни будет помнить эти минуты. Другой же путешественник проделывает значительное расстояние в купе первого класса, читая газету и не обращая ни малейшего внимания на места, через которые проносится поезд. Он не стареет в поездке больше, чем на три часа от момента отъезда до момента прибытия, его тело не испытывает страданий и он вряд ли вспомнит потом что-то важное, произошедшее с ним в этом путешествии. «Без событий» – говорит он друзьям, выходя из вагона.

Здесь мы, на первом этапе, фиксируем различие между «транспортировкой» и «трансформацией». Женщина-исследователь меняется, проходя через джунгли; она стареет сильнее, чем постарела бы за это время в другом, более спокойном месте. Для нее перемещение связано с метаморфозами, изменениями, событийностью. Второй же путешественник легко может отделить перемещение в пространстве и времени от проживания, страдания, участия в событиях.

Женщина-исследователь не будет различать пространство, время и старение, ее перемещение – это «процесс»²⁵, чего нельзя сказать о пассажире первого класса. Таким образом, различие пространства и времени, с одной стороны, и событий, предметов, сущностей, – с другой, – не есть фундаментальное различие. Это лишь точка зрения пассажира поезда, которому научно-техническая революция дала возможность отвлечься и абстрагироваться от изменений «за окном». Современные рассуждения о сути «потокотоваров и информации», естественным образом разводящие перемещение, изменение, пространство и время, продиктованы ощущением неизменности перемещенного объекта. Они убирают из рассмотрения исходную процессуальность, *событийность потока*, забывая, что такое неизменчивое перемещение не есть нечто данное, естественное.

Теперь, допустим, человек в поезде с нетерпением ждет остановки в небольшом городке, куда он часто ездил в детстве и с которым у него связано немало воспоминаний. Однако теперь по этой ветке ходят только экспрессы и он не замечает как проносится мимо городка на скорости 150 км. в час. Более того, люди, живущие в городке, чей ритм жизни еще недавно определялся прибытием поезда, более не включены в «процесс». Теперь этого места нет на карте, а значит, для событий определенного рода его уже не существует. Поток стал очередной «неизменчивой мобильностью». Почему? Потому что больше нет *остановки*, нет опосредования, *контакта* с другими объектами. Женщина-исследователь вступает в контакт с колючим кустарником и непроходимыми джунглями каждую минуту, они опосредуют ее движение, превращая его в процесс, наполненный событиями. Мужчина же оказывается в ситуации, в которой места и объекты «укрошены» и «свернуты».

Но вот поезд неожиданно останавливается в городке, где возмущенные местные жители перегородили железнодорожные пути и устроили демонстрацию. Только в этот момент пассажиры начнут стареть, осознавая себя застрявшими в богом забытой дыре, которая только теперь оказалась местом и – более того – «местом, производящим события» (*event-producing topos*). Заложники Фортуны, они начнут вспоминать поездку и почувствуют течение времени, соприкоснувшись с миром по ту сторону неизменности.

А если жители каждого населенного пункта на пути поезда начнут чинить ему препятствия? Тогда пассажиры в своих страданиях сравнятся с женщиной-исследователем и перестанут быть «сетевыми» (*network-following*) вояжерами.

Таким образом, четкое разграничение пространства, времени и контактов/столкновений с другими объектами возможно только в пространстве «неизменчивых мобильностей».

²⁵ В данном контексте понятие «процесс» заимствуется из философии А.Н. Уайтхеда. Процесс здесь – цепь взаимосвязанных событий, совершающихся в пространстве и времени.

Вернемся к Джону Ло и примеру с португальскими кораблями. *«Все, что перемещается в физическом пространстве – не есть поток, – утверждает он, опираясь на тезис о неизменных мобильностях. – Как мы видели, неизменные мобильности неизменчивы постольку, поскольку сохраняют свою форму в сетевом пространстве, но одновременно передвигаются в пространстве евклидовом. Это важно, поскольку многое (если не все) из того, что говорится о “глобальных потоках” – информации, капитале, людях – обращено к феномену, принадлежащему сетям и сетевым пространствам (и, несомненно, евклидовому пространству). Речь идет о тех самых неизменных мобильностях. Следовательно, все разговоры о потоках могут быть адресованы значимым феноменам современности, но упомянутые явления не относятся к пространству потоков – топосу, лежащему за пределами их возможностей»* [47, р. 7].

Так Ло проводит границу между акторно-сетевым подходом и другими попытками теоретизирования с использованием метафоры сетей и потоков. К наиболее известным из них относится концепция «сетевого общества» М. Кастельса. По Кастельсу, поток – это что-то, что может использоваться для описания цепей информационных импульсов, коммуникационных центров и менеджерских элит, а пространство потоков – есть «материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающем через потоки» [15, с. 386]. Понимаемый таким образом «поток» лишен дискретной событийности; в терминологии Б. Латура и Дж. Ло он мог бы быть описан лишь как сеть «агентностей» и «мобильностей».

Другой автор, активно эксплуатирующий метафору «сетей и потоков», гораздо ближе акторно-сетевому подходу – Дж. Урри, также профессор Лнкастерского университета, написавший несколько работ в соавторстве с Дж. Ло. Урри полностью разделяет стремление ANT заменить традиционную проблематику «Общества» (основанную на метафоре «региона»), проблематикой «Мобильности», рассмотренной через призму сетевых взаимодействий. Он также поддерживает тезис о существовании гетерогенной сети людей и объектов. Но поток для Урри – это ни что иное, как хаотичное или организованное пересечение национальных границ массами людей, товаров и отходов [61, р. 35]. Для анализа таких движений не требуется разрабатывать специальную теорию «социальной топологии» с подробным описанием различных социо-пространственных систем и привлечением топологических категорий.

Итак, поток в акторно-сетевой теории можно определить как «изменчивую мобильность». Однако такое определение не должно вводить нас в заблуждение. Действительно, по выражению Джона Ло и Виктории Синглтон: «Ничто не устойчиво и не вечно в мире ANT. Лишь некоторые вещи сохраняют форму и то, лишь на время» [49, р. 5]. Но за этим тезисом не стоит растворение объекта в потоках и процессах. Принцип гомеоморфизма остается – идентичность объекта должна быть понята как пересечение между различными вариантами неизменности формы. Объекты как вещи в евклидовых координатах. Объекты как константная грамматика или синтаксис в координатах сети отношений. И – для пространства потоков – объекты как возможные *ограниченные* реконфигурации этих отношений [47].

От «сетевого общества» к «обществу потоков»?

«Навязчивой идеей девятнадцатого века, – пишет Мишель Фуко, – была, как мы знаем, история – с ее темами развития и замедления, кризиса и цикла, темами аккумулированного прошлого, великим превосходством мертвых и угрожающим оледенением мира. Девятнадцатый век обнаружил существенный мифологический ресурс во втором принципе термодинамики. Нынешняя же эпоха будет, скорее всего, эпохой пространства. Мы живем во времена одновременности, в эпоху рядоположения – эпоху близкого и далекого, сосредоточенного и разобщенного. Я полагаю, наш сегодняшний опыт мира – это не столько «жизнь сквозь время», сколько сеть, соединяющая точки и интересы в запутанный клубок» [30, р. 22].

Несколько аспектов привлекают внимание в этом пассаже: (1) метафора сети, (2) противопоставление пространства и времени, (3) провозглашение современной эпохи эпохой пространства. Все три замечания тесно между собой связаны и объединены «сетевой» логикой.

«Сетевая» логика – это логика пассажира самолета, совершающего беспосадочный перелет. Для него перемещение *одномоментно*, не расчленено на последовательности, а всякая дискретность понимается в первую очередь как дискретность пространственная. За своим перемещением он наблюдает по пунктирной линии на экране компьютера и ему легко представить как тысячи таких же линий соединяют различные точки на карте, сплетаясь в «запутанный клубок». Его опыт мира действительно описывается метафорой сети.

Но пафос акторно-сетевого подхода заключен в переходе от «логики сети» к «логике потока», от неизменности к изменчивости. Значение материальных вещей именно в том, что, активно участвуя в человеческом взаимодействии, они способны изменять свои функции, преобразовываться во что-то другое, превращая пространственную мобильность в уайтхедовский процесс, в поток событий.

Именно поэтому Бруно Латуру и Джону Ло недостаточно деконструировать идею «Общества», опирающуюся на метафору региона (Дж. Урри). Им мало заявить о «сетевой природе» современных коммуникаций (М. Кастельс). Они противопоставляют тотальному и комплексному «социальному» подвижную, находящуюся в процессе постоянных изменений и состоящую из дискретных элементов «ассоциацию», предлагая к теоретическому осмыслению новый пласт нашего повседневного опыта непрерывно трансформирующегося мира.

Собственно, в этом и состоит вклад акторно-сетевого подхода в социологическую теорию. Для нашего же рассуждения важно зафиксировать еще одно следствие развития ANT: «пространство» из периферийной социологической проблемы становится центральной категорией анализа. «Возвращение материального» является также и возвращением пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бертильсон М. Второе рождение природы: последствия для категории «социальное» // Социс. 2002. №9.
2. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. А.Т.Бикбов, К.Д.Вознесенской, С.Н.Зенкина, Н.А.Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А.Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
4. Вайнрих Х. Лингвистика лжи / Пер. Е.Г. Казакевич // Язык и моделирование социального взаимодействия / Под ред. В.В. Петрова / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина. М.: Прогресс, 1987.
5. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // М. Вебер Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
6. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
7. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуриации. М.: Академический Проект, 2003.
8. Гоффман Э. «Я» и Другой // Личность. Культура. Общество. 2000. Том 2. Вып. 3(4).
9. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
10. Гоффман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.

11. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь // Семиотика / Сост., вст. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983.
12. Дмитриев А., Левченко Я. Наука как прием: еще раз о методологическом наследии русского формализма. // Новое литературное обозрение. 2001. № 50.
13. Дриш Г. Витализм. Его история и система / Авториз. пер. А.Г. Гурвича. М., 1915.
14. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу / Пер. под ред. С.П. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц., 2000.
15. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. Под научн. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
16. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / Пер. с фр. О. Столяровой // Вестник МГУ. «Философия». 2003. №3.
17. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: КСП+, 1998.
18. Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
19. Старк Д. Интервью. // Экономическая социология. 2001. Том 2. № 5.
20. Филиппов А.Ф. К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5 (44).
21. Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003.
22. Amin A., Thrift N. Cities. Reimagining the Urban. L.: Blackwell, 2002.
23. Appadurai A. Introduction: Commodity and the politics of value // The social life of things. Commodities in cultural perspective / Ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
24. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. N. Y.: Columbia University Press, 1998.
25. Callon M. Some elements of a sociology of translation domestication of the scallops and fishermen of St Brieux Bay // Power, Action and belief: A new Sociology of Knowledge? / Ed. by J. Law. L.: Routledge and Kegan Pol, 1986.
26. Callon M. Introduction // The laws of the markets / Ed. by M. Callon. Oxford: Blackwell, 1998.
27. Callon, M. Law, J. On the Construction of sociotechnical networks: content and context revisited. // Knowledge and Society. Vol. 8. 1989.
28. Collins R. The European sociological tradition and 21st century world sociology // sociology for the twenty-first century: continuities and cutting edges. Chicago: Chicago University Press 1999, pp. 26-42.
29. Douglas M., Isherwood B. The world of goods. L.: Routledge, 1996.
30. Foucault M. Of other spaces // Diacritics. 1986. № 16.
31. Goffman E. On Face-Work: an analysis of ritual elements in social interaction // Psychiatry: Journal of Interpersonal Relations. 1955. №18:3.
32. Hagerstrand T. Innovation diffusion as a spatial process. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
33. Harre R. Material objects in social world // Theory, Culture and Society. 2002. Vol. 19. № 5/6.
34. Kopytoff I. The cultural biography of things: commoditization as process // The social life of things. Commodities in cultural perspective / Ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
35. Latour B., Woolgar S. Laboratory life: The social construction of scientific facts. L.: Sage, 1979.
36. Latour B. Pandora's hope. Essays on the reality of science studies. Cambridge, 1999.
37. Latour B. The Powers of Association // Power, action and belief: a new sociology of knowledge? / Ed. by J. Law. London: Routledge and Kegan Pol, 1986.
38. Latour B. The pasteurization of France. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.
39. Latour B. We have never been modern. N. Y.: Harvard University Press, 1993.

40. *Latour B.* On interobjectivity // *Mind, culture, and activity: an international journal.* 1996. Vol. 3. № 4.
41. *Latour B.* Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension // *Common knowledge.* 1997. № 6/3.
42. *Latour B.* Gabriel Tarde and the end of the social // *The social in question* / Ed. by P. Joyce. L.: Routledge, 1999.
43. *Latour B.* Promises of constructivism // *Chasing technoscience: matrix for materiality* / Ed. by D. Ihde, E. Selinger. Indiana University Press, 2003.
44. *Latour B.* A Dialogue on actor-network theory with (somewhat) socratic professor / Ed. by C. Avgerou, C.U. Ciborra, F.F. Land. Oxford University Press, 2004. Доступ через <<http://www.ensmp.fr/~latour/articles/article/090.html>>.
45. *Law J.* On the methods of long distance control: vessels, navigation and the Portuguese rout to India // *Power, action and belief: a new sociology of knowledge?* / Ed. by J. Law. L.: Routledge and Kegan Pol, 1986.
46. *Law J.* After ANT: Topology, naming and complexity // *Actor-network and after* / Ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford: Blackwell and the Sociological Review, 1999.
47. *Law J.* Objects, spaces and others. Working papers of Lancaster University, 2000. Доступ через <<http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/law-objects-spaces-others.pdf>>.
48. *Law J.* Objects and spaces // *Theory, Culture and Society.* 2002. Vol. 19. № 5/6.
49. *Law J., Singleton V.* Object lessons. Working papers of Lancaster University, 2003. Доступ через <<http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/law-singleton-object-lessons.pdf>>.
50. *Lyman S.M., Scott M.B.* Territoriality: A neglected social problem // *Dies. A sociology of the absurd.* NY., 1970.
51. *Pels D., Hetherington K., Vandenbergh F.* The status of the object: performances, mediations and techniques // *Theory, Culture and Society.* 2002. Vol. 19. № 5/6.
52. *Pietz W.* Material consideration: on the historical forensics of contract // *Theory, Culture and Society.* 2002. Vol. 19. № 5/6.
53. *Sayer A.* Method in social science. A realist approach. L., 1992.
54. *Schegloff E.* Goffman and the Analysis of Conversation // *Sage Masters of Modern Social Thought* / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. IV. L.: Sage Publications, 2000.
55. *Shapin S., Shaffler S.* Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle, and the experimental life. Princeton: Princeton University Press, 1985.
56. *Tatnall A., Gilding A.* Actor-Network theory and information systems research // 10th Australasian Conference on Information Systems. Wellington, 1999.
57. *The Body. Social process and cultural theory* / Ed. M. Featherstone, M. Hepworth, B.S. Turner. L.; etc.: Sage, 1991.
58. *Thompson M.* Rubbish theory. Oxford: Oxford University Press, 1979.
59. *Thrift N.* Spatial formations. L.: Sage, 1996.
60. *Urry J.* Consuming Places. L., 1995.
61. *Urry J.* Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. L. and N. Y.: Routledge, 2000.
62. *Vandenbergh F.* Reconstructing humans: A humanist critique of Actant-Network Theory // *Theory, Culture and Society.* 2002. Vol. 19. № 5/6.